

Мелина Боярова

ДОЧЕРИ ГНЕВА
Пробуждение Ярости

Боярова Мелина Дочери Гнева. Пробуждение ярости

<https://litres.ru/74214613>

Аннотация

Столкнувшись в лесу с боярским сыном, я не подозревала, как круто изменится моя жизнь. Мало того, что наглый чужак напал на гнева, которого почти приручила, так еще и чарами оглушил, из-за чего спящий дар проснулся. И вместе с ним воспоминания о прошлой жизни. Теперь мне предстоит отправиться в школу для одаренных в компании чаро-стража, следящего за каждым моим шагом, и ненавистного боярича, рядом с которым самообладание трещит по швам. А мне даже на секунду нельзя терять контроль, иначе княжеский проверяющий поймет, что я и есть дитя из пророчества, которое приказано уничтожить.

Дочери гнева:

1. Пробуждение ярости
2. Шепот злобы -
3. Печать ненависти - заключительная часть

Содержание

Глава 1	4
Обложка в хорошем разрешении	12
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	47
Колыбельная Гаяны	55
Глава 7	57
Глава 8	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Глава 1

Сверкающие нити магии вились по моим рукам и жались, будто ядовитые змеи. Я ошеломлённо разглядывала собственные ладони с тонкими огрубевшими пальцами и обкусанными ногтями, совершенно не понимая, где оказалась и что происходит. Мозг лихорадочно фиксировал все, что видел вокруг, анализируя странные ощущения, и отчаянно пытался дать им разумное объяснение.

Обоняние улавливало сотни оттенков, среди которых преобладали запахи смолы, влажной земли и гнилой листвы. До слуха доносился непонятный треск веток и чей-то протяжный вой. Одежда на теле ощущалась грубой тканью, царапающей кожу. Мышцы затекли от неудобной позы, как будто я долгое время не могла пошевелиться. В голове же роилась куча вопросов.

Как я оказалась в лесу? Почему на мне странная одежда? Что за жуткий зверь корчится рядом в коконе молний, похожих на те, что обвивали мое тело? И откуда взялся темно-волосый парень, одетый словно древний воин? Почему при взгляде на него бешено колотится сердце и перехватывает дыхание?

Незнакомца отделяла полупрозрачная сфера, по которой то и дело пробегали алые всполохи молнии. Сосредоточенное лицо парня не выражало эмоций, но я давно научилась

считывать малейшие детали, указывающие на те или иные проявления чувств. Если брови чуть сведены, а губы плотно сжаты — значит, он предельно собран. Его уверенный взгляд устремлен прямо на меня. А жгучие молнии, лентами опутывающие мое тело, исходят из ладони с широко раздвинутыми пальцами. В напряженной позе воина ощущается угроза. Но разве я сделала что-то плохое?

Светящиеся нити тем временем подобрались к моей шее и скользнули по оголенной коже, причиняя острую боль. Я вскрикнула, сбрасывая затянувшееся оцепенение. Сорвав жгучие ленты, будто они были живые, отбросила их в сторону. Незнакомец на мгновение опешил, а после собрал жестом распавшиеся путы и хлестнул меня ими, как какое-то животное.

— За что? — выдохнула я, сглатывая подступившие слезы.

— Изыди, гнев! — холодно бросил воин, накрывая меня уже не лентами, а сверкающей сетью, где молнии свились в послушное плетение.

В моей груди что-то загорелось. Слезы мгновенно просохли, а рот высушило жадой. Я инстинктивно отшатнулась, складывая руки в защитном жесте. И внезапно осознала, что мои ладони светятся, как у парня. Только не сверкающими молниями, а черной тьмой с красными прожилками. Я судорожно встряхнула руками, пытаясь избавиться от непонятной гадости, и в этот момент, с кончиков пальцев сорвался

клубящийся комок непонятной субстанции. Он быстро разросся, разметал молнии и ударил по незнакомцу.

Странного зверя тоже задело. Путы сорвало, выпуская животное на свободу, которую он встретил громогласным ревом. От этого всепроникающего звука мой живот скрутило в тугой узел, а пальчики на ногах онемели. И в этот миг я вспомнила! Обе недолгие жизни, которые вспыхнули в памяти ярким калейдоскопом событий и за секунды слились в одну — настоящую.

В прошлом остался дурацкий спор, из-за которого согласилась прокатиться на мотоцикле с парнем из колледжа. Визг тормозов, удар, накрывший меня резкой болью, и темнота, куда вмиг ухнуло сознание. А в настоящем перед глазами промелькнула короткая жизнь от нового рождения до этого момента. Осознать, как такое произошло, не получилось толком. Но одно знала точно: появление боярича свело на нет мои усилия по приручению лесного гнева. Придется начинать сначала. Но это все будет потом. А сейчас я пытаюсь понять, откуда в лесу взялся чужак, и что ему от меня надо.

— Что ты наделала? — выкрикнул парень, теряя самообладание. Его лицо побелело, а глаза расширились, на лбу выступила испарина. Спесь и надменность мгновенно испарились. — Ты разрушила чары и выпустила злыдня! Он же убьет нас обоих!

Зверь, оказавшийся настоящим лохматым чудовищем, с

ревом поднялся на задние лапы. Жадно втянув носом воздух, он хищно оскалился и уставился на воина. Я вздрогнула, когда существо рванулось вперед, готовое разорвать человека на куски. Но в этот момент чужак ловко накрылся полупрозрачной сферой, которая оттолкнула монстра, словно мощный пружинистый щит. Первобытный ужас пронзил каждую клеточку, опутывая ледяными щупальцами тело, когда гнев полетел прямо на меня. Не выдержав напряжения, я сорвалась с места и побежала, стараясь скрыться от этого кошмара как можно дальше.

Легкие горели огнем. В боку кололо так, будто в него вонзили раскаленный прут. Ветки нещадно хлестали по лицу и цеплялись за одежду, выдирая из нее клоки острыми колючками. Я бежала из последних сил, не думая, не осознавая, действуя на инстинктах. Позади слышался мерзкий вой гневов, гул магических чар и крики воинов, которые никогда не совались в лес поодиночке.

Ноги сами принесли на знакомую прогалину, где приютилась наша деревня в два десятка дворов. Вон и первая изба показалась, с соломенной крышей и обережными знаками, нанесенными известью на потемневшую от времени древесину. Я вырвалась из лесного сумрака и перемахнула через плетень, готовая упасть на землю и молить деда о помощи, но остановилась, отпрянув назад.

На моем пути оказались всадники в железной броне, с копьями и короткими мечами. Они кружили по деревне, загля-

дывая в каждую избу и выгоняя оттуда людей, словно скот. На улице уже собрались испуганные мужики и женщины, прижимающие к себе ребятишек. Над ними хищными коршунами возвышались чародеи, командующие захватчиками. Их выдавали богатые пурпурные одежды с гербами и надменные лица, взирающие на мир свысока. Особенно выделялся высокий мужчина в дорогом дорожном кафтане. На шее у него сверкала золотая цепь с княжеским гербом — знаком особых полномочий.

Меня заметили сразу. Чужаки бросились ко мне, и я узнала одного из них — того самого парня, с которым недавно столкнулась. Его глаза вспыхнули мстительным огнем.

— Это она! — полный торжествующего злорадства, прозвенел голос парня на всю деревню. — Это она напала на меня и освободила злыдня! Одержимая!

Мужчина в княжеских одеждах небрежным жестом отдал приказ двум близстоящим воинам, и те ринулись наперерез, намереваясь меня схватить. Однако жители знали меня с рождения и возмущенно загудели на подобное заявление. Драган, могучий кузнец, у жены которого я в прошлом месяце принимала роды, ринулся им навстречу, сжимая кулаки. К нему присоединились и другие мужики, вооружившись вилами и топорами. Но прежде, чем воины схлестнулись с деревенскими в неравной схватке, на улицу вышел мой дед Тихомир. Он двигался спокойно, с достоинством, которое не могли поколебать ни мечи, ни железная броня чужаков. Дед

вырос передо мной могучей стеной, заслоняя от пришлых.

— Останови своих псов, Лютобор, — произнес он степенным уверенным голосом. — Что княжескому проверяющему понадобилось в нашей глуши? Почему пугаешь народ? Мы никому не навредили.

— Я пришел за ней, Тихомир, — ответил чужак без эмоций. — Закон един для всех, без исключений, боярских ли детей, городских, диких или слободских. Андреас, сын боярина Мстислава Туманова, утверждает, что девочка применила силу против него. Разрушила путы.

— Он лжет! — возмущенно выступила из-за спины деда. — Этот человек первый напал. И хотел удушить чарами, как злыдня, которого я почти приручила.

Но Лютобор не обратил на меня внимания. Он буравил деда тяжелым взглядом, в глубине которого плескалось темное пламя. В его глазах сквозили равнодушие и твердость, которые не поколебать страданиями и криками жителей. Такие, как он, княжеские проверяющие, рыскали по диким землям, искали одаренных, в ком просыпались чары, и забирали их с собой.

Не отрывая взгляда от деда, который ничуть не уступал в упрямстве и силе духа, Лютобор медленно опустил руку в сумку на поясе и достал из нее гладкий чародейский камень черного цвета, с мерцающими искорками внутри. Как только артефакт оказался на свету, искры в нем закружились, сливаясь в единое тусклое сияние.

— Так я и думал, — холодно произнес чужак, делая шаг ко мне. — Боярский сын не мог солгать. — Свет камня стал ярче, окутываясь дымкой с красными прожилками.

Теперь проверяющий смотрел на меня иначе. В его глазах появился хищный интерес, которым охотник оценивал полезную добычу. У меня моментально пересохло во рту, и живот скрутило в тугой узел от ощущения невероятной силы и опасности, которую источал этот человек.

— Не подходи! — Дед задвинул меня за спину, как будто мог уберечь от княжеского проверяющего и сияния чарокамня. — Не отдам внучку!

Лютобор усмехнулся, криво, одними губами, и подал странный жест воинам. Они сразу приблизились и окружили нас, нацелив копья. Чужаки не нападали, но отрезали от остальных жителей деревни, создавая живой барьер и давая понять, что сопротивляться бесполезно. Деревенским не под силу тягаться с боярской дружиной. В воздухе повисла напряженная тишина, нарушаемая лишь потрескивающими звуками чарокамня.

— Она одаренная! — выдал проверяющий, будто вынес мне приговор. — По закону Донского городища, касающегося всех прилегающих к нему земель, девочка должна немедленно отправиться в чарошколу. Но прежде... — Он замолчал, впившись в деда цепким взглядом. — Ответь, Тихомир, кто ее родители? Я знаю тебя много лет. Ты всегда был один. Так откуда взялась внучка?

Взгляды деревенских и чужаков устремились на деда. Вопрос повис в воздухе, тяжелый и неумолимый. Я видела, как напряглась могучая спина деда и сжались его кулаки. Он всегда был честен, как того требовал дар. А если знал, что правда принесет боль или страдания, то попросту не отвечал. Вот только от княжеского проверяющего так просто не отмахнешься. Он хотел получить ответы прямо сейчас.

— У Гаяны нет родителей, — произнес Тихомир глухим голосом. — Я нашел ее в лесу грудным ребенком. Четырнадцать весен назад.

Слова деда повисли в воздухе, оглушающие и безжалостные. Найденыш. Дитя леса. Не дочь, не внучка, а подкидыш без роду и племени. Холод ледяными щупальцами оплел кончики пальцев, замораживая кровь. Воспоминания прошлой жизни накрыли так некстати, напоминая о том, что я всегда была чужой. И там, в прошлой жизни, и здесь. Под десятками взглядов стало трудно дышать. В глазах деревенских сквозили страх и отчуждение. Назвав внучкой, Тихомир в одночасье сделал меня своей. Теперь же одной фразой оборвал эту связь.

Обложка в хорошем разрешении

Дорогие читатели! Добро пожаловать в мою новую историю. Будут приключения, чаромагия и учеба, тайны прошлого и настоящего, интриги, опасности и борьба с гневом. Если вам понравилось начало, зажгите звездочку для музы и добавьте книгу в библиотеку, чтобы не пропустить выход новой главы.

Глава 2

Лютобор не дрогнул, словно ожидал чего-то подобного. На его лице сохранилась непроницаемая маска, но глаза на мгновение вспыхнули хищным торжеством. Княжеский проверяющий нашел то, зачем отправился в путь.

— Закон один для всех, Тихомир, — поучительно напомнил чужок. — Нет родителей — нет и возражений. Князь Радомир собирает всех одаренных. Гаяна отправится в чарошколу немедленно. Ее дар послужит для всеобщего блага.

— Она никуда не поедет! — прорычал дед. Его голос потерял мягкость и наполнился силой, от которой мурашки побежали по коже.

Я знала эту силу. Она была частью древнего леса, его мощью, питающей землю. Вокруг ног Тихомира взметнулись сухие листья, а вместо теплого ветра, привычного для последнего месяца лета, потянуло стыл原因 сквозняком.

— Воле князя противишься? — В голосе Люта прозвучала неприкрытая угроза. Он не повышал тона, но каждое слово хлестало тяжелее железной плети. — Это измена, волхв. А за измену кара одна — смерть. Для тебя и всей деревни.

Дед молча шагнул вперед, и я ощутила, как воздух уплотнился и задрожал. Лес вокруг потемнел и зашелестел листвою, а небо над головой стало быстро затягиваться тучами.

Воины ошетинились копьями, но уже не только против

нас. Другая часть отряда, наблюдающая за конфликтом, окружила жителей. Среди пришлых имелись чародеи, чьи руки окутались сверкающими молниями и лентами искр, закрученными в спираль. Простым крестьянам с вилами и топорами не выстоять против такой силы. Особенно, когда на кону стояли жизни детей и женщин.

— Деда, не надо! — вырвалось у меня.

Но он уже не слышал слов, вступив в борьбу с чароштражем. Лютобор с насмешкой наблюдал за ним, играя чародейским камнем в руках. Я слышала, что княжеские проверяющие часто сталкивались с отказом отдавать одаренных чужакам. Дети редко возвращались и часто гибли за стенами городища. Но лучше я одна пропаду, чем вся деревня. Для них мы — лишь дикие недостойные жизни поселенцы. Но с Тихомиром у людей есть шанс. Без меня они проживут столько, сколько отмеряют им боги. Моя свобода не стоила таких жертв.

— Я пойду! — произнесла твердо, стараясь унять внутреннюю дрожь. Шагнув из-за спины деда, встала прямо перед ним, закрывая от проверяющего, и коснулась его сжатой руки.

— Гаяна, нет! — Тихомир дрогнул, а сила, собравшаяся вокруг, пошла рябью. — Не слушай их, дитя...

— Все в порядке, деда. — Посмотрела ему в глаза, стараясь вложить в него всю любовь и благодарность, которую не умела выражать словами. — Они не причинят вреда, а толь-

ко отправят в чарошколу. Ты ведь всегда хотел, чтобы я училась. Так вот, я выучусь всему, что полагается, и вернусь. И тогда никто не посмеет угрожать вам. Никто, клянусь!

Развернувшись к проверяющему, посмотрела в холодные глаза, с любопытством изучающие меня, словно редкую диковину, которая вдруг проявила разум.

— Я согласна уйти с вами, — повторила громче, чтобы слышали все. — Я отправлюсь в чарошколу. Добровольно. Только оставьте нашу деревню в покое.

Лютобор медленно кивнул, его тонкие губы дрогнули в легкой усмешке, а в глазах промелькнуло что-то, похожее на удовлетворение.

— Мудрое решение, — произнес он, жестом отзывая воинов. — Слишком мудрое для лесной дикарки. Ты понимаешь, что такое долг. Это ценное качество для будущей чаровницы.

Воины опустили копья, чародеи приглушили сверкающие в ладонях узоры, и напряжение немного спало. Однако воздух еще звенел от невысказанных угроз.

Дед тяжело вздохнул, опустив плечи. Его сила рассеялась, оставив после себя неприятную горечь поражения. У меня сердце защемило от вида родного человека, разом постаревшего лет на десять.

Я посмотрела на Андреаса, стоящего за Лютобором. Его лицо, в отличие от княжеского проверяющего, сияло мстительным удовлетворением. Неужели так радовался победе?

Мелочная злоба никак не вязалась с обликом боярского сына, имевшего власть и почет. Парень смотрел на меня свысока, с надменным презрением и сиюминутной радостью от победы над слабой деревенщиной. Я не отвела глаз, позволяя увидеть застывшие в них слезы и глухую нарастающую злость, которая крепла во мне уверенностью, что это еще не конец. Он пожалеет о дне, когда разрушил мою жизнь.

— Какой яростный огонь в глазах! — Княжеский проверяющий растянул кончики губ в понимающей ухмылке. — Сильная воля — хорошо. В чарошколе ценят таких, кто способен подчинить собственные интересы ради общего дела. Но довольно представлений! Мы теряем время, — резко вернулся к ледяному тону. Его рука неподъемной тяжестью опустилась на мое плечо. — Уезжаем немедленно! Гаяна, пять минут на сборы. Больше не понадобится.

Неизбежность скорого расставания меня оглушила. Я думала в запасе есть хотя бы день или даже час, чтобы попрощаться с дедом, лесом и знакомыми с детства деревенскими жителями. Но Лютобор нарочно обрывал нити прошлого, чтобы не передумала, не сговорилась за его спиной, не оставила себе хоть каких-то теплых воспоминаний. И дед понял это сразу.

— Не тронь ее! — взревел он.

Я охнуть не успела, как Тихомир вырвал меня из хватки Люта. Старческая немощь и горечь поражения слетели как шелуха. Дед снова стал воплощением древней лесной си-

лы. Земля под его ногами застонала, прелая листва закружилась вихрем. Волхв бросился защищать меня. В его руке вспыхнул сгусток зеленоватого пламени и тут же обрушился на невозмутимого врага.

Лют даже не шелохнулся, не попытался меня удержать и не произнес ни слова. Но прямо перед ним воздух подернулся густой пеленой, в которую с размаху врезался дед. Раздался глухой удар, как будто в стену бросили мешок с песком. Огонь погас, а старика отшвырнуло назад, как тряпичную куклу.

Тихомир тяжело рухнул в паре шагов от меня, захрипев от боли. И мир тут же взорвался криками и звоном железа. Женщины заголосили, воины вновь ошетинились копьями и мечами. Андреас отшатнулся, с изумлением глядя на старика и с опаской поглядывая на проверяющего.

— Деда! — Я бросилась к родному человеку, но один из воинов преградил путь древком копья, больно ткнув им в плечо, которое и так саднило после хватки Люта.

— Стой на месте, лесное отродье! — прошипел он.

Лютобор медленно отряхнул пыль с кафтана. На лице чародея не отразилось ни капли удивления, не промелькнуло и тени гнева. Только холодная, безразличная к чужим страданиям власть. Он взглянул на деда, корчащегося на земле, так, как смотрят на надоедливое насекомое.

— Я уважаю семейные узы, волхв, — произнес негромко, но в наступившей тишине его голос разнесся по всей улице.

— Но еще больше ценю порядок и подчинение закону. Ты напал на представителя княжеской власти... — Он сделал шаг к деду.

Я замерла, ощущая, как кончики пальцев вновь занемели от ужаса. Он же его убьет!

Дед попытался встать, опираясь на дрожащие руки. Кровь текла из рассеченной губы, пачкая седую бороду, но глаза горели неукротимой ненавистью.

— Я... Я тебя... — пробормотал он.

— Ты ничего не сделаешь, — оборвал Лют тихим голосом, в котором чувствовалась смертельная угроза. Он обвел взглядом перепуганных деревенских жителей, игнорируя меня, задержался на воинах, а потом снова посмотрел на деда. — Но я дам тебе выбор. Просто из уважения к твоим сединам. Попытайся встать. Сделай шаг. Произнеси еще хоть одну угрозу... — выдержал десятисекундную паузу, за время которой мое сердце, казалось, перестало биться. — И я немедленно объявлю деревню рассадником гнева. Одержимыми! А с этой заразой, как известно, разговор короткий. Мы выжжем это место дотла. Вместе с жителями. Сотрем память о вашей дыре, чтобы никто и никогда не смел противиться воле князя Радомира!

Это был приговор! Для всех, кроме меня. Каждый из деревенских с ужасом смотрел на человека, способного уничтожить все, что было дорого. Лютобор противопоставлял мою жизнь судьбе всей деревни, настраивал их против меня,

бил наотмашь, чтобы окончательно отделить от них. И я понимала, что Лют сдержит слово, потому что за ним стояли закон, сила и право, в которых никто не посмеет усомниться.

— Остановитесь! — крикнула я. — Никто не будет угрожать. Вы уже доказали, что здесь нет силы, способной вам противостоять. И вы же дали мне время на сборы. Так, почему запрещаете попрощаться с дедом? Или вы не способны сдержать собственного слова?

— У тебя было пять минут, — усмехнулся проверяющий. — Но Тихомир потратил их на бесполезную борьбу.

— Позвольте хотя бы попрощаться? — выдавила из себя тихо, еле сдерживая внутреннюю дрожь. — Это не займет много времени. Прошу, проявите милость, господин. — В первый и последний раз я о чем-то просила этого бездушно-го червя. Не ради себя, а ради деда, который поставил на кон жизни жителей деревни.

— У тебя минута! — По лицу Люта пробежала болезненная судорога, и он поспешил отвернуться, как будто я увидела то, что не предназначалось для чужих глаз.

Но я не стала над этим задумываться и бросилась к деду, упав на колени и на мгновение обняв его за шею. Затем вспомнила о его ране и, вытащив чистый платок из кармана, принялась промокать кровь на губе.

— Ты поранился? — прошептала я. — Больно? На кухне мазь заживляющая осталась. Помажешь, и подживет быстро. А за меня не переживай, дедуль. Все хорошо будет, я обе-

щаю.

— Внученька! — простонал Тихомир, сжимая меня в объятьях. — Нельзя тебе в городище. Погибель ведь там найдешь. Чует сердце.

— Ничего! Я выдержу, ты же знаешь. Справлюсь. Выучусь и стану чародейкой. А потом вернусь и буду защищать деревню.

— Гаяна, дорогая! — Дед незаметным движением сорвал с шеи амулет и вложил его в мою руку. — Надень и не снимай никогда.

— Что это? Зачем? — спросила, разглядывая простую на вид безделушку, выточенную из дерева, в центре которой тускло мерцал крохотный камень, похожий на каплю смолы.

— Оберег. Он скроет твою силу. Не полностью, но заставит уснуть самую могучую и неуправляемую часть, — зашептал Тихомир, склонившись к моему уху. — Лют не просто одаренных ищет, а разыскивает дитя из пророчества. Оно уже погубило много жизней и разрушило тысячи судеб. А все из-за князя Радомира, пожелавшего расправиться с чародеем, перед которым ему придется однажды склонить голову. Поклянись, Гаяна! Поклянись, что никогда не снимешь амулет и не покажешь свою истинную силу! Они не поймут! Испугаются. И попытаются тебя уничтожить.

— Время вышло! — раздался грубый оклик Лютобора, и в тот же миг сильные руки незнакомого воина оторвали меня от деда и вздернули на ноги. — Уезжаем!

Глава 3

Я подчинилась, понимая, что бунтовать бессмысленно.

— Я вернусь! — прошептала одними губами, но дед меня понял и кивнул, тяжело вздыхая.

Времени на раздумья не осталось. Воин, не пускавший меня к Тихомиру, грубо толкнул к отряду всадников. Я не успела опомниться, как меня подхватили и усадили на вороного коня прямо за Лютом. Его широкая спина загрозила весь мир. От неожиданности у меня вновь перехватило дыхание, а внутри все сжалось от страха перед могущественным чародеем.

Лютобор натянул поводья и рванул в галоп. Я едва не слетела на землю и судорожно вцепилась в переметную суму. Надежнее было бы держаться за всадника, но я лучше упаду, чем прикоснусь к этому безжалостному чудовищу.

К счастью, долго ехать на одном коне с княжеским провожающим не пришлось. Мы покинули деревню и вскоре прибыли в лагерь, где ожидали воины с фуражом и продуктами. Лют, развернувшись, подхватил меня за шкуру и ссадил на телегу с сеном. Я ударилась об деревянный борт и сдавленно всхлипнула, глядя на чародея с непониманием.

За что он так со мной? Почему пришел в нашу деревню, если так презирает диких? Никто не звал его и не просил меня забирать. Но до моих переживаний никому не было дела.

Устроившись подальше от возницы, я подтянула к себе колени и уткнулась в них лбом, не желая никого видеть. Основной отряд поскакал вперед, взбивая землю лошадиными копытами, а мы потащились сзади, глотая пыль, которая оседала на лице и одежде, забивалась в нос и скрипела на зубках. Я не обращала внимания на неудобства, погрузившись в странные воспоминания, открывшиеся в тот момент, когда Андреас воздействовал на меня чарами, а взбешенный гнев напугал до ужаса.

Когда-то я жила в другом мире, окруженная привычными вещами. Там были машины вместо лошадей, интернет и компьютеры, другие законы и правила. Я жила в тихом спальном районе вместе с родителями, училась в колледже, изредка общаясь с немногочисленными друзьями. Однако в прошлом я чувствовала себя одинокой и несчастной.

Об алекситимии вычитала в интернете, когда готовилась поступать в медицинский. Это помогло понять, почему мне так сложно было выражать собственные эмоции и понимать чувства других. В школе не могла отличить шутку от серьезного замечания. В колледже стремилась быть как все, отслеживала мимику людей и анализировала их реакции. Но это закончилось плохо, как и все остальные попытки наладить отношения. Мой парень Артем говорил, что я слишком холодная и равнодушная. Чтобы почувствовать драйв, мне нужно хотя бы раз прокатиться на мотоцикле. Не думала, что это поможет, но согласилась ради дурацкого спора. И вот

теперь я здесь.

В другой жизни я погибла, а моя душа переродилась в теле младенца, которого Тихомир обнаружил в лесу четырнадцать лет назад. Я не помнила себя тогда. До трех лет мной занималась Оляна, жена кузнеца Драгана. Я познавала новый мир, осваивала язык, впитывала традиции и училась сдерживать эмоции, чтобы не попасть в беду. Теперь не возьмусь точно сказать, передалось ли новому телу прежнее заболевание. В этом мире сдержанные эмоции были нормой и способом выживания. Но это не говорило о том, что люди здесь не любили, не умели радоваться жизни и наслаждаться ее благами.

Я привязалась к этому миру, полюбила наш лес с могучими деревьями и маленькую деревню Тихомировку. Но особенно обожала деда, который был мне как отец, открывший удивительный мир, наполненный древней силой.

Мысли невольно вернулись к нашему прощанию. Я нащупала в кармане амулет деда и крепко сжала в ладони. Он просил меня не снимать оберег, но я и не собиралась расставаться с ним. Странно, что по жизни, оставленной в прошлом, родителям и немногочисленным друзьям я не тосковала. Наверное, потому, что никогда не была с ними близка. А Тихомиру удалось затронуть особенные струны моей души, которые разливались по телу приятным теплом при одном лишь воспоминании о родном человеке.

Время близилось к вечеру, когда отряд остановился у ру-

чья. Повозка застыла на месте, а я не сразу обратила внимание, что меня зовут. Не привыкла, что в мою сторону направлено столько скрытой злобы и презрения.

— Чего разлеглась? — От грубого толчка в спину чуть не упала. — Шевелись! Собери хворост для костра.

Внутри меня что-то вспыхнуло, поднимаясь горячей волной от живота к горлу и требуя выхода. Сила, дремавшая до недавнего времени, пробуждала гнев и требовала ответить на несправедливость. Мои руки непроизвольно сжались в кулаки, стоило только представить, как чары поражают воина, и он врезается в дерево. Видение было таким ярким и желанным, что у меня во рту пересохло, а глаза вспыхнули яростным огнем.

Однако нашлось кому остудить мой гнев. Пронизывающий взгляд Лютобора заставил сдержаться. Нельзя показывать силу! Теперь любое ее проявление будет воспринято как слабость. Я одарила возницу многообещающим взглядом, молча выпрямилась и направилась к ближайшим кустам выполнять поручение.

О каком пророчестве упоминал Тихомир? Почему просил сдерживать силу и никогда не показывать ее полную мощь? Неужели он считал меня ребенком из пророчества? Если вспомнить о прошлой жизни, то это сильно отличало меня от других подростков этого мира. Но разве подобный опыт делал особенной? На Земле говорили о реинкарнации. Я видела передачи о людях, помнящих прошлые жизни. Ничего

необычного во мне не было.

Собирая хворост, я заметила, что за мной следит Ждан, один из воинов. Он вышел из-за дерева и взглядом велел возвращаться. О побеге я не помышляла, поэтому пожала плечами и отправилась обратно. Мужчины уже нарубили ветвей и развели костер, над которым закипала вода в котелке. Сгрузив собранный хворост, я вернулась к дереву и присела, издали наблюдая за остальными. Чуть позже Ждан принес мне кусок хлеба и миску с безвкусной похлебкой.

В еде я никогда не привередничала и сейчас не стала отказываться, понимая, что мне нужны силы. Однако жевала, не чувствуя вкуса, вспоминая запах дедовой ухи и аромат печеной картошки с лесными травами. К горлу невольно подкаптал комок, когда нахлынули воспоминания о доме. Я сглотнула его вместе с пресным варевом и едва сдержала подступившие слезы. Нельзя плакать. Не стоит доставлять чужакам такое удовольствие.

Методично пережевывая безвкусную пищу, я следила за воинами, перебрасывающимися редкими фразами. Взгляд невольно скользнул к Андреасу, из-за которого привлекла внимание Лютобора. Его радость от мести быстро угасла. Он стоял в стороне, понунив голову, и внимательно слушал седого жилистого чародея с жестким взглядом. Он говорил что-то неприятное, еле сдерживая негодование, а Андреас хмурился и бледнел. На породистом лице мелькнула ярость, но быстро исчезла, оставив лишь безысходность, которая ни-

как не вязалась с его обычно надменным видом.

Я насторожилась. Что произошло? Ничего особенного по пути не случилось, и я не заметила, чтобы Андреас в чем-то провинился. Тем не менее, он выглядел раздраженным и нервным. Я еще не придумала, как отплатить бояричу за исковерканную жизнь, поэтому не удержалась от любопытства, желая узнать его слабое место и вернуть должок.

Стараясь не издавать звуков, поползла, используя кусты как укрытие. Листья и ветки кололи колени, но я упорно двигалась вперед. Голоса становились все более отчетливыми

— ... провалил испытание. Позор рода... Отец будет в ярости... — расслышала обрывки фраз.

Хотелось подобраться поближе, чтобы подслушать разговор, но меня заметили. Тяжелая рука Ждана сомкнулась на моем плече и резко потянула назад.

— Куда собралась, дикарка? — прорычал он. — Сказано же, сиди на месте. Нечего шастать по лагерю.

Воин грубо отшвырнул меня назад, из-за чего плечо отозвалось ноющей болью. Я с трудом подавила импульсивное желание ответить. Лишь на миг обожгла обидчика яростным взглядом и уставилась в землю.

И все же я узнала кое-что важное! Вероятно, старый воин ругал боярича за то, что тот упустил гнева. Моего гнева, если уж на то пошло, которого я почти приручила. Целого злыдня, способного разорвать человека на части! А этот наглец явился на все готовенькое и спеленал своими чарами тварь,

которая даже не сопротивлялась. Так ему и надо!

Ночевать я устроилась под телегой, постелив на землю соломы. Чародеи поставили вокруг поляны охранительный круг, который защищал людей и животных от лесных гневов. Я сбегала к ручью умыться, а потом легла, свернувшись в комочек. Караульные устроились у костра на бревне, а остальные разошлись спать, используя седла вместо подушек и укрываясь походными одеялами. Мне подобной роскоши не предложили.

— Хорошо, что с девкой проблем не было, — расслышала я тихий разговор караульных. — Не то пришлось бы ее вязать, а остальных под меч пускать.

— Десятком отребья меньше стало бы, — хмыкнул другой. — Забились в чашу, как зверье дикое, и не понимают, что своим жильем привлекают гневов.

— С одержимыми всегда разговор короткий, когда речь идет о безопасности городища, — неожиданно добавил третий голос, принадлежащий Лютобору. — Если гнев одолел человека, его уже не спасти. Таких держат в клетках под землей. На них надевают подавляющие амулеты, и они сутками работают на каменоломнях. Дешевая рабочая сила. — У меня возникло ощущение, что проверяющий не с воинами разговаривал, а запугивал меня. — Одаренных, не справившихся с обучением в чарошколе, ждет иная судьба. Их распределяют в башни, чтобы до самой смерти питали чарами купол и поддерживали защиту городища.

Я услышала каждое слово Люта и дала себе зарок, что не позволю гневу одержать верх и не стану батареей для чародейского купола. Я обещала деду вернуться и защищать нашу деревню и не боялась учебы. Проснувшись память освежила знания другого мира, но они и так были со мной. Недаром с такой легкостью усваивала все, чему обучал Тихомир.

Глава 4

На дорогу ушла неделя, учитывая частые привалы и посещение других деревень. Лютобор проверял местных и особенно ребятишек на пробудившийся дар. К счастью, кроме меня, ему никто не попался. Примерно на четвертый день пути мы выбрались из леса на дорогу, пролегающую через бескрайние поля. Отсутствие привычного асфальта и столбов освещения бросалось в глаза. Повезло, что начало осени выдалось солнечным, даже жарким, и дороги оставались сухими. В лесу солнце не так припекало, как на открытом пространстве, а вот ночами заметно холодало.

На седьмой день из туманной дымки на горизонте проступили очертания Донского городища. Сначала показалась серая линия, а затем высокие стены, тянущиеся от края до края. Воины ускорились, пришпорив лошадей, а их угрюмые лица засветились ожиданием скорого возвращения домой. Я же чувствовала напряжение и тяжесть в груди, не предвещающую ничего хорошего. Мои испытания только начинались.

Прежде чем попасть в город, мы проехали через Слободу, застроенную старыми домами. Казалось, они вот-вот развалятся от ветра, и вся убогость вылезет наружу. На узких улочках слой грязи был невообразимым. Колеса повозки вязли в жирной колее. Уставшие лошади еле перебирали копытами.

Я тарасилась на уличных оборванцев и недоумевала, как можно опуститься до такого состояния? Потрепанные, грязные и озлобленные, люди бросали на воинов испуганные взгляды и старались побыстрее убратъся с дороги. Здесь не было привычной мирной жизни, как в деревне. Вместо открытых лиц я видела напряжение и ненависть в потухших глазах.

— Не смотри! — шикнул на меня Ждан, ткнув в спину древком копыя. — Не твое это дело. Лучше подумай, как тебе повезло. Эти, — махнул рукой в сторону жалких домишек и жмущихся к стенам прохожих, — сгниют здесь рано или поздно. А у тебя есть шанс. Не упусти его.

Шанс? — Невольно поежилась и потерла ноющее плечо. — У меня был шанс на нормальную жизнь в лесу, с дедом. А городище с его неприступными стенами больше походило на тюрьму.

Я кивнула воину и отвернулась, чтобы не провоцировать. К горлу вновь подкатил ком, а в глазах защипало от несправедливости. Он будто нарочно провоцировал меня, ожидал, что взорвусь или начну возмущаться. Но я не собиралась реагировать на подначки, когда этого так от меня ждут.

Чем ближе мы подходили, тем величественнее казался город. Стены из массивных камней уходили высоко в небо, сливаясь с облаками. Над городищем сиял огромный чародейский купол, переливающийся оттенками синего и фиолетового. Он мерцал и испускал мягкий свет, создавая вокруг

непроницаемую границу. Глядя на это величие, невольно закрадывался страх перед неведомой мощью, и одновременно накрывало завораживающее восхищение. Человеческая жизнь в сравнении с этим колоссом казалась ничтожной песчинкой в океане.

Отряд остановился перед гигантскими воротами, окованными железом. Лютобор направился вперед и протянул чаростражу свиток с сияющей печатью. Я бы и дальше за ними наблюдала, но невольно отвлеклась на Андреаса, которого строгий чародей отвел в сторону. С того вечера, когда пыталась подслушать разговор, они почти не общались. Отношения выглядели ровными, но поникший вид Андреаса, его сломленный взгляд и тщательно подавляемая ярость были заметны издалека. Злорадства я не испытывала, убеждаясь в правоте деда, что за каждый поступок приходилось отвечать.

— Гаяна, подойди! — окликнул меня княжеский проверяющий. Я поспешила исполнить приказ, чтобы заодно подслушать разговор боярича с наставником.

Стражу на воротах Лют продемонстрировал чарокамень, засветившийся сразу, как только он поднес его ко мне. Большого подтверждения не требовалось, так что я отправилась к телеге, притормозив возле Андреаса.

— Ты опозорился на глазах проверяющего! — отчитывал парня старый воин. — Если бы ты просто потерпел неудачу, то попробовал силу в следующий раз. Но ты потерял контроль! Позволил гневу вырваться...

— Но я не...

— Молчать! — оборвал наставник. — Глава будет в ярости. Этот поход должен был принести тебе новый ранг. А вместо этого ты стал посмешищем! На кону репутация чародейского рода!

Парень глухо застонал, стиснув кулаки. Я расслышала скрип зубов и почувствовала отчаяние, исходящее от врага. Сам виноват, раз позарился на чужого гнева. Значит, не мне одной та встреча вышла боком.

— Единственный способ смыть позор — начать с самого низа, — громче продолжил наставник, будто хотел, чтобы все слышали. — Я предложу Мстиславу отправить тебя в чарошколу. Будешь учиться с отбросами из диких деревень. С ней! — кивнул в мою сторону. — Будешь делить одну учебническую скамью с теми, кого презираешь. Есть с ними за одним столом, спать на соседних кроватях. Тебя первого отправят на убой, когда наступит очередная Волна. Это унизительно для наследника рода. Но это единственный путь, который вернет тебе честь и позволит доказать, что ты чего-то стоишь.

Андреас нервно вскинул голову, его потускневшие глаза вспыхнули ярким огнем. Он побледнел, словно кровь отхлынула от лица, оставив пепельно-серую бледность. Встретившись со мной взглядом, боярич полыхнул непримиримой ненавистью, как будто я была виновата во всем. У меня перехватило дыхание, и вновь кончики пальцев на ногах зане-

мели, предвещая проблемы. Я внезапно осознала, что у меня появился опасный и могущественный враг.

Исполинские ворота медленно распахнулись, открывая путь в новое будущее. Сквозь проем хлынул поток звуков и запахов огромного города, жизнь в котором была ключом. Высокие угловатые здания навевали воспоминания о прошлом. Донское городище напоминало земные города, отличаясь старинной архитектурой, повозками и непривычно одетыми людьми. Воздух был насыщен дымом и металлом, потом и уличной пылью, а также запахами свежей выпечки и еще чего-то неуловимого, чему я не могла подобрать определения.

Сразу после ворот мы разделились. Отряд воинов вместе с Андреасом и его наставником направились в одну сторону, а Лютобор, я и Ждан — в другую. Меня вновь посадили на круп лошади позади княжеского проверяющего. Хорошо, хоть на этот раз он двигался неспешно, продираясь через толпы прохожих.

Я вертела головой, рассматривая здания, витрины торговых лавок и лица горожан. Казалось, они жили в другом мире и не подозревали, что за высокими стенами бродят опасные гнев, способные проникнуть в душу и захватить тебя целиком. Но такое случалось, только когда надвигалась Волна, несущая с собой бестелесных тварей. В лесах же чаще встречались гнев, которые успели захватить животные формы и измениться, питаясь мясом и свежей кровью.

Городище поразило меня своими размерами. Оно и снаружи выглядело внушительно, а внутри оказалось настоящим каменным муравейником. Четыре стороны света и центральную часть венчали гигантские башни, принадлежащие боярским родам и княжеской семье. Между ними располагались строения поменьше, но не менее пафосные и монструозные. Простые люди селились на окраинах или же на границах дворянских владений.

— Чем богаче клан, тем больше земель ему принадлежит и тем выше вздымаются здания, — скупно ответил Ждан, почему районы городища так отличались друг от друга. — Даже не мечтай войти в боярский род. Это привилегия сильнейших чародеев, а не лесной погани, вроде тебя.

Новых вопросов я не задавала, с мрачным предчувствием глядя на богатые усадьбы с красными крышами и лепниной, роскошные подъездные дорожки, ведущие от кованых ворот к домам, невероятной красоты клумбы и фонтаны. Однако остановились мы перед низким зданием из серого камня, обнесенного высоким забором. От этого места веяло холодом и древней силой.

«Добро пожаловать в чарошколу!» — гласила издалека заметная надпись на здании.

Ворота бесшумно распахнулись перед нами, впуская внутрь. Пустынный холл учебного заведения напоминал склеп своими темными стенами и унылой атмосферой. Проверяющий уверенно чеканил шаг, глухо бухая металличе-

скими набойками сапог по каменному полу. Мы поднялись по лестнице, выходящей в коридор со множеством дверей. За одной из них, третьей слева, находилась приемная комиссия, состоящая из двух мужчин с безразличными взглядами и равнодушными лицами, одетых в казенные серые кафтаны одинакового строгого кроя.

— Доброго дня, господа. Будислав, принимай пополнение, — с порога поздоровался княжеский проверяющий, обращаясь к старшему.

На приветствие оба незнакомца синхронно кивнули, забрали бумаги, которые передал мой сопровождающий, и только потом обратили внимание на меня.

— Одаренная, значит, — сильным голосом произнес Будислав. — Еще одна безграмотная деревенщина. Посмотрим, насколько тебя хватит.

Мда, радушием тут и не пахло. Поведение чужаков раздражало, но не настолько, чтобы возмущаться. Отчего-то это казалось бесполезным, поэтому я молчала, впитывая информацию и отслеживая эмоциональные реакции. Их отсутствие больше говорило о выгорании и внутренних проблемах, чем о профессионализме и способности держать контроль. Тот же Лют, умеющий обуздывать гневные порывы, выглядел более живым на их фоне. Я очень надеялась, что мою судьбу будут решать более адекватные люди, а не эти бездушные машины.

Расслышав в коридоре легкие торопливые шаги, немно-

го приободрилась, надеясь, что это пришли за мной. И не ошиблась. Спустя мгновение в кабинет вошла высокая худощавая женщина в темном форменном одеянии. Длинная юбка в пол, приталенный жакет, наглухо застегнутый под самое горло, белый воротничок рубашки. Русые волосы заплетены в косу и сложены улиткой на затылке. Лицо с острыми чертами и выразительными глазами, тонкие губы изогнуты в ломаную линию.

— Это и есть дикая? — произнесла неприятным резким голосом, окидывая меня пренебрежительным взглядом. — Выглядит слабой и неотесанной. Придется с ней поработать. Отправьте на проверку. И тех троих, что прибыли сегодня, тоже, — властно распорядилась незнакомка. — Сиди здесь и жди, когда за тобой придут, — указала мне на деревянную скамью у входа. — Где твои вещи?

— Мне не позволили их собрать. — Я пожала плечами и спокойно отправилась на указанное место.

Ни тон общения, ни школа мне уже не нравились. Что еще ожидать от заведения, куда детей забирали силой? Но раз я здесь оказалась, то сделаю все, чтобы выучиться и выполнить обещание, данное деду.

Глава 5

Лют, передав меня с рук на руки, ушел, одарив напоследок подозрительным взглядом. Вряд ли он так попрощался. Скорее, в его глазах сквозило обещание вернуться. Однако я быстро забыла о суровом чародее, когда в кабинет привели еще трех учеников, двух мальчишек и девчонку моего возраста. Только выглядела последняя чересчур ухоженной и чистенькой. Слишком домашняя девочка с пшеничного цвета волосами, заплетенными в две косы, и в дорогом платье с рюшами.

Она с порога окинула комнату надменным взглядом и выбрала место в стороне, а ребята без всяких капризов плюхнулись рядом со мной на лавку. Один из мальчишек был явно из слободских крестьян. Холщовые штаны с заплатками, поношенная рубаха, подпоясанная веревочным поясом, да и сам затравленный вид подростка, привыкшего опасаться всего незнакомого, указывал на крестьянское происхождение. Второй — явно из городских, задиристый, с бегающим взглядом, грязными руками и растрепанными волосами. Одет с чужого плеча, но получше крестьянина. Он сразу принялся оглядываться, словно выискивая, с кем вступить в схватку, чтобы доказать свое превосходство. Только задиристый дух быстро выветрился, стоило преподавателям сделать замечание.

В силу сложившейся привычки я всегда обращала внимание на малейшие изменения в поведении, что позволяло адекватно реагировать. Здесь же люди скупилась на эмоции, что делало их более непонятными. Но в то же время никто не лез в душу, а эмоциональная дистанция обеспечивала спокойствие.

Учительница придирчиво осмотрела нас и распорядилась забрать вещи. При мне ничего не было, кроме дедовского ножа, мешочка с травами и амулета. Его удалось сохранить, спрятав под одеждой, а с остальным добром пришлось расстаться. У мальчишек ничего при себе не оказалось, будто их схватили на улице и сразу привели в школу. А у девчонки отобрали серьги и кулон, изъяли вещи, которые она привезла с собой. Нам оставили только одежду, в которой прибыли в школу, и ту ненадолго.

После обыска прибыли дежурные, которые повели нас по длинным коридорам вглубь здания. Мне не понравилось, когда мы свернули к лестнице, уводящей в темные подвалы. Спускаясь по каменным ступеням, я ощущала нарастающий холод и удушающий запах неухоженных животных. Я не понимала, зачем нас привели в подвалы, где стояли железные клетки с голодными гневными. Мелкими и неопасными, но способными объединиться и напасть на жертву, если представится такая возможность. От тварей исходила неприятная энергия, от которой волоски на коже вставали дыбом.

Девчонка из зажиточной семьи брезгливо сморщилась,

прикрыла нос рукой и отвернулась. Задиристый паренек, наоборот, нашел объект для издевательств. Он подошел к клетке, засвистел и ткнул в ближайшую тварюшку пальцем, чтобы расшевелить. Второй с нескрываемым сочувствием смотрел на несчастных гневов, которые недавно были обычными кроликами, собаками или кошками. В глазах мальчишки заметила блеснувшие слезы. Для слободских гибель домашней живности означала голод и возможную смерть. Я же при виде гневов испытывала неприятную тяжесть в груди, которая чаще проявлялась, если кого-то жалела.

— Ты! — Учительница появилась в подвале так неожиданно, что я вздрогнула. — Покажи, на что способна. Успокой зверя, — приказала мне, указывая на клетку, где металось небольшое существо, которое когда-то было лисицей. Сейчас же исхудавшую тушку покрывала редкая свалывшаяся шерсть, а глаза горели безумным огнем гнева, захватившего несчастное создание. — Остальным смотреть и запоминать. Если она провалится, вы будете следующими.

Я подошла к клетке, остановившись на безопасном расстоянии. Спину жгли взгляды учителей и других новичков. Лисенок занервничал еще сильнее, глаза разгорелись ярким красным огнем.

— Тише, малыш. Успокойся! — Протянула руку к клетке, пытаясь направить волну умиротворения, как учил дед.

Прежде у меня неплохо получалось, но на этот раз что-то пошло не так. Внутри заворочалась неведомая сила, камен-

ной тяжестью сдавившая грудную клетку. Она бурлила внутри и гудела, как потревоженный улей. Лисенок, учуяв меня, забился в истерику и пронзительно завизжал. От животного исходила волна чистого страха, смешанного с отчаянной яростью. Визг сделался невыносимым. На облезлой шерстке проступила легкая пелена, похожая на иней, — признак нарастающего гнева.

— Ты что творишь?! — недовольно прошипела учительница. — Нарочно провоцируешь гнева? Неужели ты настолько глупа? Прекрати немедленно! Ты не можешь себя контролировать. Твоя неуравновешенность — угроза для окружающих.

У меня перехватило дыхание, что означало высшую степень волнения. Живот скрутило в тугой узел от возмущения. Как она могла что-то требовать, если ничему не научила? Я все сделала правильно, только не понимала, почему не действовало.

— Дикая, и этим все сказано, — хмыкнула женщина. — Отправишься в казарму для отбросов. Нечего тебе делать рядом с учениками благородного происхождения. Может, хоть там чему-нибудь научишься. Увести! — отдала приказ безмолвному сопровождающему.

Мужчина с невзрачной внешностью, облаченный в серую униформу, жестом показал мне на выход. Я ушла, оставив других новеньких проходить испытание. Только если учительница надеялась увидеть на моем лице признаки гнева

или обиды, то ошиблась. Я приняла приговор со спокойным лицом, без грамма разочарования. Хотя внутри нарастала волна неприятных ощущений, и сердце сжималось в тревоге за дальнейшее будущее, но внешне это никак не отражалось. Я не ожидала от этого места ничего хорошего.

Казарма представляла собой большое холодное помещение с двумя рядами деревянных кроватей. Зал делился надвое большим щитом, сколоченным из досок. С левой стороны обитали мальчишки, а с правой — жили девочки. Узкие окна располагались высоко над полом, и через них едва пробивался тусклый свет. Пахло прелым сеном и затхлой сыростью. Я не боялась, но испытывала внутренний дискомфорт от незнакомой обстановки.

При нашем появлении на меня тут же уставились десятки глаз. Некоторые ученики на пару лет старше, много ровесников, но были и совсем маленькие, испуганные, как те несчастные гневь, которых посадили в одну клетку. Взгляды старших ребят выражали любопытство и враждебность. Я кожей ощущала, как меня оценивают, взвешивают, определяя место в подростковой иерархии.

— Выбери свободную кровать и устраивайся. Скоро тебе принесут все необходимое, — бесцветным голосом произнес сопровождающий, указал на правую половину зала, после чего сразу ушел.

Я не успела толком осмотреться, как из глубины левой части казармы ко мне выдвинулся жилистый паренек лет пят-

надцати. Выражение лица местного задиры и оценивающий взгляд обещали проблемы. Он двигался медленно и целенаправленно, словно хищник, присматривающийся к жертве. За ним, как тени, шли еще двое — вероятно, свита.

— Новенькая, значит? — ломающимся голосом произнес паренек, подобравшись вплотную. — Меня Мелехом кличут. Все тут подчиняются мне. Исполняют мои приказы. И ты будешь, поняла?

— Вот еще! Не дожدهшься, — хмыкнула, не собираясь прогибаться под местного лидера.

— Из какой дыры тебя вытащили, дикарка? Говорят, из-за тебя боярский сын провалил испытание? — оскалившись, продолжил он, пристально разглядывая мою одежду. — Что это? — Подцепил пальцем тонкий шнурок, вытаскивая дедов амулет. — А ну, покажи!

Я отшатнулась, не позволяя грязным пальцам коснуться моей вещи. Внешне я оставалась бесстрашной, но внутри загорелось что-то теплое, отозвавшееся покалыванием в ладонях. Я никому не позволю отобрать дедов подарок.

— Не трогай, — произнесла ровным голосом. — Это не твое.

Парнишка опешил, явно не ожидая сопротивления. На нахальном лице промелькнуло удивление, быстро сменившееся злостью. В казарме стало невероятно тихо, остальные дети замерли, наблюдая за нами.

— Какая дерзкая! — зло усмехнулся и толкнул меня ку-

лаком в плечо. — Сразу видно, что тебя не научили уважать старших.

Я пошатнулась, но сохранила равновесие. Тумаками меня не напугаешь. И давить на меня бесполезно. Проходила уже проверки на прочность в прошлой жизни и точно знала, что поддаваться нельзя. Я вся подобралась, приготовившись к следующему удару.

Приспешники Мелеха зашли с двух сторон, отрезая путь к отступлению. Они начали толкать в спину, чтобы я не удержалась на ногах и упала. Отсутствие страха и понимание ситуации позволяло мне сохранять холодную голову, оценивать ситуацию и моментально реагировать. От тычков я успешно увернулась, отслеживая боковым зрением малейшие движения. Глаза фиксировали каждую деталь.

— Отдай, говорю! — Мелех снова попытался схватить амулет. — Не хочешь по-хорошему, будет по-плохому.

Парень распалился, лицо покраснело, глаза засверкали от ярости. Его гнев, как тяжелое одеяло, накрыл меня с головой. Я понимала, что Мелех не привык к сопротивлению. Другие дети, вырванные из семей и запуганные, отдавали все, что у них просили. Но только я — не все!

Дед учил меня драться и бесшумно передвигаться по лесу, успокаивать гневов, как внутренних, так и проявленных, а также трезво оценивать собственные возможности. В прямую схватку вступать не видела смысла, физически ребята были сильнее. Однако мое упорное сопротивление их слы-

ком разозлило, заставило ослабить контроль, а это — верный путь к поражению. Каждый замах и попытка вывести из себя лишь усиливали мое внутреннее напряжение, но не страх. Сердце билось ровно, а дыхание оставалось спокойным. Как ни странно, но мое равнодушие сыграло на пользу.

Не добившись успеха, Мелех оттолкнул меня, пробурчав, что еще сочтемся. Он раздраженно огляделся в поисках новой жертвы и зацепился взглядом за хрупкую девчонку лет тринадцати. Вероятно, ее привели незадолго до меня, потому что она жалась к стене, судорожно сжимая в руках небольшой узелок. Удивительно, что его не отобрали в том кабинете.

— Кто такая? Как звать? — Задира попер на нее стеной вместе со своими прихлебателями.

— Ирия. Из восточной слободы, — дрожащим голосом ответила она, запоздало пряча узелок за спину.

— Что там у тебя? — Мелех грубо рванул мешочек из рук, и тот порвался, рассыпав по полу несколько сухарей и кусочек заплесневелого сыра.

Ирия всхлипнула и сжалась, не осмеливаясь поднять голову и посмотреть на обидчиков. Жалости я не испытывала, понимая, что каждый здесь проходил подобную проверку. Однако в груди ощутила неприятное стеснение и дискомфорт. Руки произвольно сжались в кулаки. Несправедливость всегда вызывала во мне глухое раздражение. Я осознала, что не могу остаться в стороне.

— Не смей! — Бросилась к Мелеху и оттолкнула его в сторону. Не ожидая подобного выпада, парень потерял равновесие и упал.

— Ополоумела, дикая? — Вzbесился он, подскакивая на ноги и сокращая дистанцию. — Ты пожалеешь об этом! Клянись, пожалеешь!

Его правая рука взметнулась для удара, но я тут же рванула с места, уворачиваясь от занесенного над головой кулака. Хлестко ударила парня ногой по коленной чашечке, отчего тот взвыл не своим голосом. Прихлебатели из группы поддержки ринулись с двух сторон, стараясь перехватить за руки и обездвигить. От одного удалось вывернуться, а другой вцепился в плечо мертвой хваткой. Вzbешенный Мелех кинулся на меня, опрокидывая навзничь. Оседлал верхом и замахнулся, когда Ирия пронзительно закричала:

— Не надо! Остановитесь! Помогите, кто-нибудь!

На крик тут же примчались двое дежурных — рослые мужчины в серых форменных кафтанах и с плетками на поясе.

— Стоять! — рывкнул один из них, заведя нашу свалку. — Что происходит? Кто посмел нарушить правила?

Удар Мелеха пришелся по воздуху в считанных сантиметрах от моего лица. Наверное, думал напугать, но я даже не моргнула. Смотрела на него спокойным ничего не выражающим взглядом. И точно знала, что подобное равнодушие отчего-то приводит других в состояние неконтролируемой зло-

сти. Одарив меня яростным взглядом, парнишка поднялся и встал неподалеку, понуро опустив голову. Возле него тут же оказалась неизменная группа поддержки.

Я поднялась на ноги, невозмутимо отряхнула запылившуюся одежду и вопросительно посмотрела на чародеев. Только тут заметила, что недавнюю троицу, с которой мы проходили испытание в подвале, тоже привели сюда. Вероятно, из-за стычки с Мелехом, пропустила их появление. Но это объясняло, почему на крик Ирии так быстро отреагировали дежурные. Видно, не успели далеко уйти. Что примечательно, остальные ребята, наблюдавшие за нашей схваткой, мигом разбежались по своим кроватям, делая вид, что ничего не заметили.

— Всех участников конфликта наказать! — распорядился второй дежурный, выглядевший старше напарника. — Ирия, Мелех, Гаяна, Неждан и Завид, — перечислил нас поименно, — немедленно отправляетесь в подвалы! И вы трое — тоже! — Спровадил вместе с нами новеньких.

— Но за что? — возмутилась девчонка из богатеев. — Я ничего не сделала.

— Вот именно, Полада! — По губам мужчины скользнула торжествующая усмешка, как будто не первый раз ловил новичков за подобным занятием. — Ты не доложила старшему дежурному о беспорядках, поэтому тоже получишь наказание. Марш на выход!

Глава 6

Понурые, подростки поплелись вслед за мужчиной, бросая на меня озлобленные взгляды. Как оказалось, подвалов под школой хватало и помимо тех, где нам недавно устроили проверку. Каменные щербатые ступени привели нас в огромное помещение, освещенное тусклым светом факелов. Тяжелый воздух, наполненный запахами смолы и сырой земли, давил на грудную клетку, создавая гнетущую атмосферу. В полумраке я разглядела ряды железных клеток. Некоторые стояли отдельно, полностью изолированные, другие примыкали к стенам и напоминали тюремные камеры. Дежурный выбрал для нас пустующую клетку в центре помещения. Вокруг нее стояли другие, но уже с постояльцами — гневными, потерявшими животное обличие.

Из двух десятков приземистых тварей, я угадала шиг и анчуг — злобных карликов с обвислыми ушами, тощим бурым телом и непропорционально длинными передними конечностями. Шиги походили на круглые меховые комки, покрытые жесткой шерстью, зубастые и невероятно прожорливые. Третьей разновидностью были матохи — перерождались из более крупных животных, вроде волков или кабанов. У таких тварей мощная челюсть, полная острых зубов, мускулистые ноги с копытами или когтистыми лапами и поджарое тело. Но главное, что отличало одержимого гневом животное-

го от перерожденного гнева, — пылающие алым цветом глаза и легкая полупрозрачная дымка, окутывающая тело. Чем темнее и насыщеннее была такая дымка, тем злее и опаснее становился гнев.

— Вот вам и наказание, — равнодушно бросил дежурный, открывая тяжелую дверь клетки и подталкивая нас внутрь. — Посидите до утра, подумайте о своем поведении и заодно посмотрите, к чему приводит гнев, когда вы позволяете ему завладеть собой.

Захлопнув решетку и заперев ее снаружи на громоздкий засов, дежурный ушел, оставив нас наедине с гневами. Твари сидели по соседним камерам, издавая гортанные звуки, пробирающие ужасом до костей. Их тела подрагивали и слегка мерцали в отблесках пламени. Казалось, что воздух немного гудел от выпускаемой гневами агрессии. Находиться в одном помещении с чудовищами — то еще испытание на прочность. Сам факт такого соседства давил на сознание и невольно пробуждал страх. Не у меня, я не раз сталкивалась с мелкими гневами в лесу. Дед учил сохранять максимальное спокойствие в их присутствии, тогда и твари становились менее агрессивными.

Но это я, выросшая в дикой деревне посреди леса, а слободские и городские ребята к такому соседству не привыкли. Подростки невольно держались друг друга, моментально позабыв о недавних обидах. Мелех хоть и бросал на меня злобные взгляды, но молчал и скрипел зубами. Ирия ти-

хонько всхлипывала и озиралась по сторонам испуганными глазами. Однако первой не выдержала Полада.

— Нет! Я не хочу здесь оставаться! Отпустите меня! — закричала она, когда гнев в соседней клетке, ощутив наши страхи, взбесился и забился головой об прутья, пытаясь вырваться. — Мой отец так этого не оставит! Он знатный купец. Он вам покажет! Отпустите меня немедленно!

Чем больше распалялась Полада, тем сильнее волновались гневны вокруг. Они чуяли злость и отчаяние девчонки, сами заводились и начинали метаться, кидаясь на такую желанную, но недоступную добычу. Гнетущая атмосфера только усиливалась. Злость и страхи порождали только гнев, и ничего хорошего не приносили людям. Паническая истерика купеческой дочки понемногу начала передаваться и остальным. Мальчишки, что прибыли с нами сегодня, занервничали и побледнели. Мелех и два его приспешника, Неждан и Завид, наполнились злобой. В маленьком пространстве клетки, где нам едва хватало места, подобное поведение могло привести к серьезным проблемам. Гневны питались эмоциями, и сейчас Полада была для них праздничным пиром. Девчонка приближалась к тому порогу, когда окончательно потеряет контроль над даром. Я заметила, как по ее телу то и дело пробегали легкие сверкающие молнии, а ладони светились от прибывающей силы.

Я невольно вспомнила деда, его доброе лицо, морщинистые руки, перебирающие травы, и мудрые наставления. Он

часто пел мне колыбельные, когда я не могла уснуть, или же мы переживали Волны гнева, накатывающие на наши земли. «Гнев не любит покоя и боится тишины. Пой ему, и он уснет». В этот момент я остро осознала, что, если ничего не сделаю, то нас всех поглотит гневное безумие.

Глубоко вздохнув, я постаралась прийти к внутреннему спокойствию, которое не раз выручало в опасные моменты. Приблизившись к Поладе, положила руку ей на плечо и тихо запела. Сначала мой голос терялся на фоне криков и общего гула, но я чувствовала в себе силу и непоколебимую уверенность, что все получится, как надо.

Постепенно крики Полады стали тише, а рыдания сошли на нет. Она смотрела на меня изумленным взглядом, как будто до конца не верила, что моя колыбельная сможет ей хоть как-то помочь.

Однако результат проявился практически сразу. Дети позабыли о страхах и неприязни, гнев перестал бесноваться, а атмосфера в огромном подвальном помещении медленно менялась, наполняясь хрупким покоем. Красные глаза тварей тускнели, полупрозрачная дымка над измененными телами светлела, а волны агрессии ослабевали, превращаясь в слабое эхо. Моя песня создавала вокруг нас невидимый умиротворяющий кокон спокойствия.

Ирия прижалась ко мне, уткнувшись головой в плечо. Полада склонилась с другой стороны, и мы медленно опустились на пол. Мальчишки тоже присели, сгрудившись в кучу,

и задремали. Даже Мелех, сидевший отдельно, уронил голову вниз и забылся. Песня стихла, а я продолжала сидеть, прислушиваясь к ровному дыханию девчонок и наблюдая, как рассеивается тьма. В воспоминаниях я была с дедом, слушала лес и смотрела, как костер жадно пожирает поленья. Однако я знала, что всему этому настал конец. Теперь моя жизнь — чарошкола, гнев и бесконечная борьба за выживание. Я не ведала, что принесет завтрашний день, но была к нему готова. Здесь нельзя расслабляться и допускать ошибки. Я не испытывала страха и не тревожилась, но с интересом ожидала, что же будет дальше.

Утро для нас наступило с грохотом открываемой железной двери и тяжелых шагов дежурного. Я лишь немного подремала, когда усталость взяла свое, но до полноценного отдыха было далеко.

За нами пришли двое вчерашних дежурных, засадивших в эту клетку. Не знаю, что они надеялись тут увидеть, но на их невозмутимых лицах промелькнуло изумление. Похоже, никто не ожидал застать мирную картину из спящих детей и усмиренных гневов.

— Что произошло? — Подошел к клетке старший, открывая засов. — Почему твари такие спокойные? Почему все спят? — Взгляд мужчины замер на Поладе, которая тихо посапывала у меня на плече.

От громких звуков ребята начали просыпаться, потирая глаза и оглядываясь с недоумением. Верен ближе всех сидел

к выходу и первым пришел в себя. Он посмотрел на меня, потом перевел испуганный взгляд на дежурных.

— Она... — указал на меня пальцем. — Она пела колыбельную. И все успокоились. Гневы тоже.

— Колыбельную? Значит, тебе знаком этот способ? — Дежурный вопросительно уставился на меня, ожидая объяснений. Но я лишь пожала плечами, делая вид, что не понимаю, о чем идет речь.

— Мелех, как все было на самом деле? — не поверил новичку дежурный и попытался добиться ответа у другого ученика.

— Понятия не имею, я заснул, — пробурчал парень, кидая на меня опасливый взгляд.

— Мы во всем разберемся! — недовольно поджал губы мужчина. — А сейчас — подъем! Все на выход! Надеюсь, больше не будет беспорядков. Ирия, ты проявила слабость. Мелех, Неждан и Завид — вы нарушили правила. Касьяна, Верена и Полады это тоже касается. Сегодня лишаетесь ужина. А ты, — оставил меня напоследок, — будешь под особым присмотром. Занятия начнутся через два часа. За это время необходимо получить форму и вещи, успеть на зарядку и позавтракать. Поторопитесь, никто вас дожидаться не будет.

Нас вывели из подвала и повели в казарму. Я еле поспежала за остальными. Ноги онемели от долгого сидения, и каждый шаг отдавался неприятным покалыванием в ступнях. Ирия и Полада держались рядом. Купеческая дочка выгля-

дела подавленной. Надменность исчезла, сменившись растерянностью и испугом. После ночи в подвалах стало ясно, что происхождение и богатые родители здесь не имели значения.

— Итак, — задержал нас дежурный перед входом в казарму, — послушайте внимательно. Вы все прошли первую проверку на взаимодействие с гневом и теперь являетесь учениками чарошколы. Вам намеренно продемонстрировали, как обращаются с теми, кто не способен сдерживать гнев. Вы на себе прочувствовали наказание за нарушение правил, поэтому я надеюсь, что в дальнейшем никто их не будет нарушать. — Красноречиво посмотрел на Мелеха, а затем на меня. — Учитесь прилежно, осваивайте науки учителей и тогда подвалы будете посещать только в рамках необходимых заданий и отработки взаимодействия с гневом.

— Выходит, вы специально нас запихнули в эту клетку? — возмутилась Полада, глядя на мужчину с нескрываемой обидой.

— Именно! — подтвердил дежурный. — В воспитательных целях, которые, в том числе, направлены на то, чтобы уяснили раз и навсегда — здесь нет деления на слободских, городских или диких. Вас будут оценивать по тем умениям, которые вы будете проявлять на занятиях. Всем ясно?

Подростки дружно закивали, а на лицах новеньких мальчишек и Ирии я прочитала нескрываемое облегчение. Я же приняла информацию к сведению, не особенно радуясь тому, что нас сначала макнули в грязь, а потом уже объяснили,

зачем это сделали. Первое впечатление, и оно же последнее, оказалось испорченным.

Колыбельная Гаяны

Тихая ночь неспешно пришла, ветер на улице стих,
Пламя души прогорело дотла, в сердце покой сохранив.
Спи, засыпай, дорогое дитя. Пусть все заботы уйдут.
Гнев растворится в каплях дождя, злости оковы падут.

Замедли дыханье, смирись с тишиной,
Найди драгоценный покой.
Возьми мою руку, прижмись к ней щекой
Усни поскорей, мой родной.

К утру ты проснешься, и мир расцветет яркими красками
дня,

Ты встретишь рассвет и новую жизнь ты проживешь для
меня.

Открой же скорее сердце свое тому, кто застыл, очерст-
веет,

Любовь пусть растопит каменный лед, которым сковал его
гнев.

Замедли дыханье, смирись с тишиной,
Найди драгоценный покой.
Возьми мою руку, прижмись к ней щекой

Усни поскорей, мой родной.

Озвученную версию можно послушать на моей страничке
VK (ссылка есть в информации обо мне) или ТГ

Глава 7

— Давайте начнем знакомство сначала, — уже более мягким тоном продолжил дежурный. — Меня зовут Милояр Луст. Обращаться ко мне — господин Милояр или господин учитель. Последнее применимо к любым преподавателям нашей школы.

— Рада знакомству, господин Милояр, а меня зовут Ремез Полада Путятична, дочка купца Путяты Ремеза, — выпендрилась девчонка, получив возможность похвастаться, что родом из богатой семьи в отличие от нас, неудачников.

Не знаю, может, она хотела показать манеры или как-то выделиться среди остальных, но это никому не понравилось. В том числе и дежурному.

— Полада, ты верно не слушала, о чем я говорил недавно? — холодно поинтересовался Милояр. — Здесь ко всем ученикам обращаются по имени без отчества и фамилии, потому что все между собой равны. В вашей власти прославить свое имя или же покрыть позором. На первый раз — замечание. Получишь еще два, и последует наказание. Понятно?

— Угу, — понуро кивнула девчонка.

— Не «угу», а: «Да, господин учитель», — поправил Милояр.

— Да, господин учитель, — послушно повторила Полада.

— Вот и отлично! А теперь — марш в казарму. На кро-

внях уже приготовлены необходимые вещи. Быстро переодеваетесь в спортивную форму и бегом на задний двор, где проводится зарядка. Над каждым спальным местом прибита табличка с именем, так что не ошибетесь, — предвосхитил вопросы, готовые сорваться с языка.

Дважды нам повторять не пришлось. Наученные горьким опытом, мы поторопились вернуться в казарму и разбрелись по разные стороны от щита. Я нашла свою койку в дальнем темном углу, куда не попадал свет из узких окон. Меня этот факт ничуть не расстроил. Темноты я не боялась и лишний раз с кем-то общаться не горела желанием. Ирии досталось соседняя кровать, а Поладу разместили напротив.

Глядя, как другие девочки собираются на зарядку, я спешно разобрала вещи, сложенные аккуратной стопкой в изножье. Сверху лежал кафтан из плотного сукна, под ним серые штаны, два комплекта льняного нижнего белья, портянки и тяжелые сапоги. Еще пара простых рубашек, ночная сорочка, кофта с застежками под горло, длинная юбка, чулки и туфли на каблуке. Помимо этого, прилагался комплект бытовых мелочей, вроде куска дегтярного мыла, жесткого полотенца, костяной расчески и маленькой щеточки для чистки зубов. Вещи далеко не новые, но чистые и вычищенные.

Быстро одевшись, я расчесала волосы и переплела их в тугие косы. Ирия тоже быстро справилась, а вот Полада замешкалась с портянками. Ни помощи, ни совета девочка не спрашивала, даже не поблагодарила, что утихомирила ее ис-

терику ночью, так что я не лезла с подсказками.

Зарядка проходила на холодном плацу, куда ранним утром выгоняли всех учеников: от мелких десятилеток до совсем уже взрослых лбов лет по двадцать. Под хриплые команды дежурных мы выполняли изнурительные приседания, махи руками и ногами, отжимания и до изнеможения бегали по кругу большой площадки, огороженной с четырех сторон стенами школы, и примыкающих зданий столовой и общежития преподавателей.

Я еле выдержала разминку, а другие новички сдались еще в первый час и получили от Милояра наказание. Их уже лишили ужина, а теперь еще предстояло перемыть посуду в столовой и убраться в клетках гневов.

После зарядки мы посетили мыльни, где привели себя в порядок, затем переоделись в учебную форму и отправились на завтрак. В столовой нас рассадили за деревянные столы и выдали порцию жидкой каши, кусочек хлеба и травяной чай. Я спокойно съела свою порцию, в то время как другие дети ковырялись в тарелках с видимым отвращением.

За соседним столом сидел Мелех со своими прихлебателями. Его дерзость сменилась настороженностью со смесью страха и любопытства. Гнев, которому он едва не поддался в подвале, разрушил образ местного авторитета. Но только в моих глазах, большая часть учеников из казармы для новичков по-прежнему относилась к нему с опаской. Отодвинув миску, парень решительно подошел к нашему столу и

сел напротив меня.

— Эй, дикарка! — произнес низким тембром, в котором еще проскакивали высокие нотки, свойственные парням с ломающимся голосом. — Как ты это сделала? С гневными и... — запнулся, как будто не желал признавать очевидного. — И с нами.

Я подняла на Мелеха спокойный взгляд и пожала плечами. Раскрывать свои умения и тайны, когда все вокруг затихло, не собиралась. Пусть думает что угодно, лишь бы не догадался об истинной причине.

— Ничего я не делала, — сделала вид, что не понимаю. — Мне было холодно, я уснула. Вы, наверное, устали и тоже отключились.

Мелех недовольно поморщился. Хотел что-то сказать, да же рот приоткрыл, но передумал и спешно поднялся.

— Не хочешь говорить — так и скажи. Мы все слышали, как ты пела. Или будешь отрицать?

— Мне было страшно, я пыталась успокоиться. Что тут такого? Не думаешь же ты, что моя песня всех усыпила? Полный бред! — усмехнулась, внимательно отслеживая реакцию парня.

В его глазах я уловила сомнения и непонимание того, почему так упорно отрицаю очевидное. Другой на моем месте давно бы хвастался, как справился со страхом, а я призналась, что испугалась. Полада радостно ухмыльнулась, хотя и промолчала. Ирия, Верен и Касьян смотрели на меня на-

стороженно, но с уважением. Приятно, конечно, но расслабляться нельзя.

После завтрака нас выстроили во дворе, где Милояр объявил о начале учебы и снова напомнил о дисциплине.

Распорядок дня был строгим: подъем в четыре, зарядка, душ, завтрак. Затем шли уроки до обеда, после начинались тренировки по контролю силы. Вечером — немного свободного времени, ужин, домашние задания и дополнительные занятия. В десять часов отбой. Строгий график, но вполне обоснованный, учитывая, что из нас воспитывали будущих чародеев.

Первое занятие началось в большом классе с темными деревянными скамьями. Я села подальше от Мелеха и его компании. Ирия устроилась рядом, остальные тоже расселись вокруг, будто других мест не было.

Внезапно я ощутила на себе чей-то взгляд. Обернувшись, увидела Андреаса. Мрачный и злой, он сидел в одиночестве, излучая ненависть и силу. Вокруг парня сплотились старшие ученики, признавшие его лидерство.

— Смотрите-ка, кто пришел! — громко сказал боярич. — Безмозглая дикарка, которую уже отправили к гневам за драку. Видно, ты только и умеешь, что лезть куда не просят.

Как быстро новости разносятся по школе! Я еще в казарме не обжилась, а Мелех уже выяснил про наказание Андреаса. А этот с утра успел обо всем разузнать.

В классе раздался смех, слышались колкости. Многие

встали на сторону боярича, но некоторые смотрели с недоумением. Мелех держался в стороне.

Я промолчала, посчитав бессмысленным тратить время на оправдания. Любой ответ подлил бы масла в огонь.

Класс затих, когда распахнулась дверь, и в помещение вошла вчерашняя учительница. С порога осмотрела зал. Казалось, что она задержалась взглядом на каждом из учеников, а на деле это действие заняло пару секунд. Цокая каблуками, подошла к столу, достала бумагу и перья. Все делала неторопливо, в гробовой тишине, демонстрируя свою власть.

— Доброе утро, послушники. Меня зовут Стояна Власовна Цыба. Обращаться — госпожа Стояна или госпожа учительница. Сегодня оценим знания новых учеников. Новенькие, встаньте!

Вместе со мной поднялись еще около двадцати человек, включая Андреаса.

— Ты! — она указала на рыжего паренька. — Назови имя и ответь, умеешь ли читать и писать.

— Горыней звать. Н-нет, госпожа, грамоте не обучен. В слободе некому было...

— Ясно! — Она сделала пометку в журнале. — Следующий!

Касьян и Верен признались, что неграмотны. Ирия испуганно пролепетала, что мама учила ее только писать имя. Стояна холодно заметила, что этого мало. Полада с гордостью заявила, что родители ее всему обучили, и начала рас-

сказывать о происхождении, но учительница резко оборвала:

— Достаточно! — И посмотрела на меня. — А ты, дикарка? — в голосе прозвучала насмешка.

— Да, госпожа Стояна. Дедушка научил меня читать, писать и считать.

— Что ж, проверим, — язвительно улыбнулась она. — Те, кто ничего не умеет, пересядьте налево, к другим бездарям.

Когда неуспевающие переместились, Стояна велела новичкам сесть ближе. Вместе со мной, Поладой и Андреасом набралось семь человек. Боярич не захотел сидеть рядом и устроился выше, согнав Ратко и Беляну, которые безропотно пересели ко мне.

Учительница раздала листы с задачами, написанными каллиграфическим почерком. Я быстро пробежалась по ним глазами, ощутив облегчение, что они соответствовали уровню начальной школы на Земле. Язык и письмо здесь отличались, но за четырнадцать лет я привыкла. Наоборот, знания из другой жизни служили надежным подспорьем и были моим тайным козырем.

— Эти задачи, — пояснила Стояна, окинув нас взглядом и задержавшись на Андреасе, — проверят не только ваши способности к счету, но и умение излагать мысли. Пишите разборчиво, без ошибок. У вас тридцать минут, — она поставила песочные часы на край учительского стола. — Занимайтесь и постарайтесь не отвлекаться.

В конце урока учительница собрала листы, просматривая

их на ходу. Кому-то кивала, кого-то поправляла, кого-то хвалила. Увидев мою работу, она недовольно поджала губы и промолчала. Я и так знала, что справилась безупречно. Похвала мне не требовалась, но предвзятое отношение вызывало глухое раздражение. Чем я ей не угодила?

Глава 8

Перерыв между занятиями составил пять минут. На это время Андреас демонстративно отсел на прежнее место, чтобы пообщаться с другими учениками, а учительница вышла из помещения, забрав наши письменные работы. Следующую дисциплину тоже вела Стояна Власовна. Она вошла вместе с ударом чародейского колокола, отбивающего начало и конец урока. Услышав мелодичную трель в первый раз, я не обратила на нее внимания и не сразу сообразила, что он служил аналогом земных звонков.

— Внимание, ученики! — Стояна снова обвела взглядом аудиторию и задержалась на Андреасе, который остался сидеть там, где устроился в первый раз. — Предыдущее занятие было лишь разминкой и проверкой ваших способностей. На этом уроке мы приступим к изучению чар и базовых понятий, без которых ни один чародей не способен работать и совершенствоваться. Наверняка вам известно, что сила ода-ренного измеряется чарками. Сегодня вы узнаете, что такое чарки силы, чарки контроля и чистоты, а также поймете, для чего они необходимы.

Я с нескрываемым интересом впитывала новую информацию. Дед учил меня понимать лес, говорить с гневками, но не активировать какие-то чарки. Магия волхва была другой, природной, основанной на взаимодействии с древней силой.

Чародеи же измеряли величину высвобождаемой энергии, подавляли внутренний гнев и старались отринуть эмоции при использовании дара. Стояна говорила об астральных сущностях, каких-то фазовых отклонениях и ритме купола.

Я бы с удовольствием записала определение терминов, чтобы потом разобраться с ними в спокойной обстановке и вызубрить значение. На слух не вся информация хорошо усваивалась, некоторые вещи требовали пояснений. Но я не решалась задавать вопросы, потому что никто этого не делал. Да и Стояна не давала такой возможности, методично рассказывая новый материал.

Моя сила спала четырнадцать лет. Я о ней даже не подозревала, пока не столкнулась с боярским сыном. Рассказы деда о чародеях считала сказкой, потому что они не появлялись в наших краях. А если и забредали чужаки, то Тихомир каким-то образом узнавал об этом заранее и отправлял меня в лес, на охотничью заимку. Выходит, нарочно прятал от проверяющих? Почему же на этот раз он не уберег?

— А теперь приступим к практике. — Я вынырнула из мыслей, вновь сосредоточившись на том, что говорила учительница. — Попробуйте активировать чарку контроля. Сконцентрируйтесь. Почувствуйте поток внутри себя. — Стояна продемонстрировала серию жестов, которые следовало повторить. — Удержите его. Не дайте ему ускользнуть.

Я попыталась скопировать движения. Однако пальцы не слушались, в них не было необходимой гибкости. Концен-

трации у меня хватало, но с активацией возникли проблемы. Вместо четкого потока, ощущала слабое покалывание в пальцах. На фоне других учеников, у которых простое действие не вызвало трудностей, я выглядела полной неумехой.

Почему ничего не выходит? Я ведь умею успокаивать гневов, отчего же не могу зажечь маленькую искру?

С соседнего ряда раздался издевательский смешок. Обернувшись, наткнулась на тяжелый взгляд Андреаса, с нескрываемым злорадством наблюдающего за моими потугами. От парня исходила холодная, почти осязаемая, волна раздражения. Как тут сосредоточиться? Боярич наслаждался моим провалом и всем своим видом выражал презрение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.